

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

АМУРНАЯ ПРИМЕТА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Амурная примета / Евгений Сухов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Записки
придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-229661-1

1904 год. В Москве пропадает титулярный советник Владислав Сергеевич Щелкунов. Поиски поручены следователю по особо важным делам Ивану Воловцову. По словам свидетелей, в последнее время потерпевший был чем-то сильно недоволен. В кабинете Щелкунова все оказывается перевернутым вверх дном – там явно что-то искали. Местный дворник показал, что в день пропажи титулярного советника из их дома выходил незнакомый господин «годов под пятьдесят». Возможно, это и был грабитель или убийца... Неожиданно приходит известие, что в Подмоскovie обнаружен труп неизвестного мужчины с особой приметой пикантного характера. Может быть, нечто подобное было и на теле Щелкунова?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-04-229661-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

• 1 •

**ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
СУДЕБНОГО ПРИСТАВА**

В среду тринадцатого января тысяча девятьсот четвертого года по кабинетам и коридорам Московской судебной палаты, равно как и Окружного суда, пополз недобрый слух. А заключался он в том, что таинственнейшим образом пропал член Совета судебных приставов Московской судебной палаты титулярный советник Владислав Сергеевич Щелкунов — помещанин, тридцати девяти годов от роду, милейший человек. У судебного и прокурорского начальства Владислав Сергеевич числился на хорошем счету: обязанности свои исполнял всегда справно и с похвальным рвением, что всегда отмечалось в приказах, и у руководства

на его счет имелись серьезные планы. Через год (может, два) после ухода в отставку старшины Совета судебных приставов Михайлова Щелкунов должен был занять по праву его место. К тому же русской болезнью — то бишь запоем — Владислав Сергеевич не страдал, разве что мог выпить рюмку-другую по случаю. Что же касается женского полу, в скверных историях и в скандалах замечен не был, хотя, будучи второй год вдовцом, время от времени появлялся на приемах с женщинами, что совершенно не ставилось ему в вину. Дамы тоже были с ним весьма любезны и обходительны.

Пропажу судебного пристава Щелкунова заметили в понедельник вечером одиннадцатого января. Владислав Сергеевич так и не появился ни в своей конторке в судебной палате, ни дома. Не объявился он на службе и двенадцатого января, а тринадцатого утром один из его друзей, мещанин Гавриков, сделал заявление о его исчезновении.

Конечно, пропажу человека в Москве называть явлением из ряда вон выходящим было бы неверным. Пропадают люди в Первопрестольной, к сожалению, нередко. Бывает,

что по несколько десятков человек в месяц исчезают. И по большей части бесследно. Однако надо признать, что пропадают обычно те, которым и суждено куда-то сгинуть, в силу несправедного образа жизни: большинство из них — это беспробудные пьяницы или опустившиеся на самое дно проститутки; дебоширы и прочие личности из категории неблагополучных, умеющие находить неприятности даже в банальнейших ситуациях.

Тем не менее нередко случается, что теряются люди достойные, имеющие в обществе большое признание и немалые заслуги, ведущие самый благопристойный образ жизни, которых, казалось бы, само провидение уберегает от разного рода неприятностей. И вот на тебе, сгинули, как если бы и не жили!

В этот раз из категории таких вот «благополучных» людей пропал чиновник Московской судебной палаты, что само по себе накладывало особые обязательства на следственные органы. Он являлся коллегой, и предстояло изрядно постараться, чтобы узнать причину его исчезновения. Не исключено, что пропажа судебного пристава была как-то связана с ис-

полнением им непосредственных служебных обязанностей, в перечне которых имеются крайне непопулярные: такие как арест имущества, взыскание денег с должников и их задержание и прочие действия подобного характера. Но все-таки судебный пристав являлся простым исполнителем, фигурой подневольной, исполняющей чужие приказания. Любой должник должен был осознавать, что, укокошив его, он тем самым вряд ли приостановит дело, поскольку на завтра вместо него придет другой взыскивать долги, с точно такими же серьезными полномочиями, и вновь прибывший вряд ли окажется менее взыскательным и строгим. На такие должности, чего уж греха таить, подбирают людей, далеких от либерализма. А потом, как было известно, никаких щекотливых дел судебный пристав Щелкунов в последнее время не вел и никаких серьезных разбирательств ни с кем не имел. По крайней мере, так утверждали члены Совета судебных приставов и их старшина Михайлов...

Вот такими не особо содержательными сведениями обладал судебный следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов

через час после того, как вышел из кабинета председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты, статского советника Геннадия Никифоровича Радченко.

— Ты уж, Иван Федорович, ради бога, расстарайся, — как-то не по-начальнически промолвил Геннадий Никифорович, поручая Воловцову дело по розыску судебного пристава Щелкунова. — Сам понимаешь, одно дело, если наш пристав застрял у какой-нибудь дамочки, потеряв в любовном угаре чувство времени и напрочь позабыв про служебный долг. Чего греха таить, и такое случается... И совсем другое дело, — вздохнул Радченко, — если его труп лежит, запорошенный снежком, где-нибудь на Лосином острове или вмерзший в лед в придорожной канаве где-нибудь на окраине города...

То, что розыск был поручен не кому-нибудь, а Воловцову, судебному следователю по особо важным делам, свидетельствовало о том, что председатель Департамента уголовных дел Судебной палаты Геннадий Никифорович Радченко все же склоняется к наихудшему варианту случившегося со Щелкуновым...

* * *

С чего начинаются подобные дела?

С выявления свидетелей, которые последними видели пропавшего, и осмотра его места жительства.

Как выяснилось после краткого опроса, последними Щелкунова видели мещанин Гавриков и отставной унтер-офицер Дынник. Они то и были первыми, которым учинил допрос судебный следователь Воловцов.

Пригласив к себе в кабинет Гавриила Ивановича Гаврикова, следователь Воловцов начал расспрос:

— Стало быть, вы говорите, что вас очень обеспокоила пропажа вашего друга?

— Точно так.

— Расскажите об этом поподробнее, — доброджелательно посмотрел Воловцов на свидетеля, стараясь расположить его к себе.

— Мы должны были с ним увидеться в понедельник в половине седьмого вечера по одному важному делу, — начал свой рассказ Гавриков, слегка подавшись вперед. — Но Владислав не пришел, чего раньше никогда с ним не случалось и что на него было совершенно не

похоже. Раз уж договорились, так он больным будет, но обязательно явится... Признаюсь, меня это опечалило, даже расстроило, и я отправился к нему на квартиру... Когда я постучался к нему в дверь, то мне никто не открыл. Раздосадованный, я вернулся домой, решив для себя, что завтра я непременно выскажу ему все, что о нем думаю... — Гавриил Иванович замолчал и невесело усмехнулся своим собственным невеселым словам, затем продолжил столь же горестным тоном: — Завтра пришло, а Владислав так и не объявился ни на службе, ни дома. Позже выяснилось, что его не было на службе и вчера. Я уже не находил себе места от дурных предчувствий. Дворник Федосей, когда я стал спрашивать его о Щелкунове, сказал, что последний раз он видел его в воскресенье, где-то около четырех часов пополудни. А когда я узнал, что он не ночевал дома и не явился на службу и в среду, тут у меня и вовсе не осталось никаких сомнений, что с Владиславом что-то стряслось...

Гавриков замолчал и с убитым видом посмотрел на судебного следователя. В эту минуту Гавриила Ивановича посетила горькая

мысль: он больше никогда не увидит своего друга...

— В воскресенье, согласно вашему заявлению, — глянул следователь Воловцов на листок бумаги, лежавший перед ним, — что вы, Щелкунов и отставной унтер-офицер Дынник обедали в трактире «Лондон», что на Охотном Ряду, — повернул допрос в нужное ему русло Воловцов.

— Именно так и было, — без эмоций ответил Гавриил Иванович.

— Щелкунов вел себя как обычно?

Гавриков неопределенно пожал плечами:

— Все было как обычно.

— Может, вы заметили в нем какие-либо перемены? Может, были какие-то странности? Или он был чем-то обеспокоен или взволнован? — поинтересовался Иван Федорович.

— Ничего необычного в его поведении не припомню. Вел он себя как всегда, — немного подумав, произнес Гавриков.

— А он никуда не торопился? Может, у него была назначена с кем-то встреча? — спросил Воловцов.

— Нет, он никуда не торопился. Касательно встречи... — Гавриил Иванович чуть пожал плечами. — Нет, он ничего мне не говорил.

— А вот такой вопрос у меня... Скажите, господин Гавриков, — тут Иван Федорович немного помолчал, после чего продолжил: — А не было ли у Владислава Сергеевича причин... наложить на себя руки?

Такой вопрос Иван Федорович задавал неизменно, когда вел дела, связанные с неожиданными исчезновениями (так положено по протоколу), вот только ответ всякий раз был эмоционально разный: от подчеркнуто холодного до откровенного негодования. Волковцов даже невольно напряг слух, чтобы лучше различить тональность собеседника.

В глазах свидетеля мелькнула некоторая растерянность, а потом Гавриков ответил со сдерживаемым возмущением:

— Не было и не могло быть.

— Понятно... А каково было его финансовое положение? — не унимался судебный следователь по особо важным делам. — Может, играл на скачках или в карты?

— В полном порядке, — отозвался собеседник Ивана Федоровича. — Он был на хорошем счету и получал очень достойное жалованье. А дурных пристрастий не имел.

— Может, женщины? — коротко спросил Воловцов.

Гавриков глянул на него немного удивленно:

— А что женщины... Не было у него никаких особых привязанностей к дамам. Да и не юноша он, знаете ли, чтобы из-за несчастной любви в петлю лезть. — Гавриил Иванович немного помолчал и заключил с пущей убежденностью: — Нет, господин судебный следователь, все у Владислава было благополучно.

Следующим на допрос Иван Федорович вызвал отставного унтер-офицера Дынника. Бывший военный держался уверенно, и его ответы примерно соответствовали тому, что уже поведал Гавриков.

— А могли бы вы мне сказать, как вел себя Щелкунов в воскресенье десятого января? Может, заметили в его поведении какие-то странности? — задал Воловцов следующий вопрос,

надеясь услышать нечто не сходное с ответом предыдущего свидетеля.

Отставной унтер-офицер малость подумал, а потом не очень уверенно произнес:

— Он был чем-то доволен.

— То есть? — оживился Иван Федорович.

— Ну, доволен был, улыбался все время... Нечасто его таким приходилось лицезреть, — не зная, чего от него хочет Воловцов, произнес Дынник. — Как кот, наевшийся сметаны, — пояснил отставной унтер, полагая, что судебный следователь его понял. — Разве только не мурлыкал.

Воловцов понял. Но дело не в этом, при допросе важно не то, что понял или о чем догадался судебный следователь, а то, что самолично сказал сам допрашиваемый. Поэтому Иван Федорович попросил уточнить:

— А как вы полагаете, Щелкунов был доволен тем, что уже произошло, или тем, что скоро должно было случиться?

Отставной унтер-офицер Дынник искоса глянул на судебного следователя по особо важным делам и философски сказал:

— А кто ж его знает... Я же не гадалка.

Опросив приятелей Щелкунова, следовательно Воловцов отправился в трактир «Лондон» на Охотном Ряду, где вечером в воскресенье десятого января обедали в пятом часу пополудни Щелкунов, Гавриков и Дынник. Обслуживал их столик половой Микула — в белой ситцевой рубаше навыпуск и шароварах, заправленных в сапоги на плоском ходу, — прекрасно помнивший собравшуюся компанию:

— Как же, как же, помню. Почтенные господа.

— Послушай, голубчик, а что заказала эта троица?

— Пива «Баварского» заказали господа, — пробасил половой. — Крепко пили... Расстегаев им подавал, разговаривали длинно и много... Слушали механический оркестрион. Уж больно он им понравился.

— А когда они разошлись?

— А разошлись они уже в седьмом часу вечера, — указал трактирный половой на часы, висевшие у самого входа.

С тех пор судебного пристава Владислава Сергеевича Щелкунова никто более не видел.

Проживал судебный пристав в трехэтажном доходном доме Поляковых на Моховой. Дом небольшой, всего-то на двенадцать квартир, с восемью окнами по фасаду на каждом этаже. Квартиру Щелкунова Воловцову открыл угрюмого вида домовладелец в присутствии околоточного надзирателя, в чьем ведении был данный участок Москвы.

Прошли вовнутрь. Ничего особенного. Холостяцкая квартира, где вещи на первый взгляд лежат как-то несуразно — книги на топчане, рубашки с сюртуком на стульях, — а на самом деле таким образом, чтобы сразу найтись. А так все чистенько, благопристойно, сразу видать, что хозяин человек чистоплотный и аккуратный. Любит порядок. А это значит, что судебный пристав не уехал, никого не предупредив, как это порой случается, когда приходит срочная телеграмма с извещением о кончине какого-нибудь близкого родственника.

— Может, он... того, пошел куда-нибудь в ближайший лесок да удавился? — прямолинейно высказал предположение околоточный надзиратель, повидавший на своем веку вся-

кого, и для пущей убедительности добавил: — С господами такое случается иной раз.

Воловцов качнул головой:

— Нет, батенька, не так все просто. Проверяли! Для такого решения нужны основания, а их по делу не имеется, — заявил он. — Взгляните сами: все вещи на своих местах, да и убирались тут недавно. Вот вы стали бы проводить уборку в квартире, решив свести счеты с жизнью?

— Ну-у... Не знаю. Как-то не думал.

— Вот видите, — сказал Воловцов. — К тому же удавиться, как вы выразились, удобнее дома, нежели идти куда-то на лютый холод и отмораживать причинное место, да еще плутая, выискивая безлюдный закуток...

— Ну может, на службе у него были какие-то нелады, — не столь уверенно предположил околоточный надзиратель.

— В вашем лице, батенька, пропадает самый настоящий Пинкертон... Когда будете работать в нашем ведомстве, вам цены не будет! Но здесь, смею вас разочаровать, на службе у разыскиваемого нами человека тоже было все в полном порядке. Тут нечто иное, что мы

и должны прояснить, — в некоторой задумчивости добавил Иван Федорович.

Предположение Воловцова оправдалось, когда они, миновав гостиную, вошли в кабинет судебного пристава.

Первое, что Ивану Федоровичу бросилось в глаза, — один из ящиков бюро валялся вверх дном на полу. Остальные ящики дубового бюро были выдвинуты более чем наполовину, и все их содержимое — перья, склянки, бумаги, письма — было перевернуто и выворочено, словно в них что-то искали в большой спешке. Затем Воловцов обратил внимание на жевательные спички, валявшиеся в центре помещения. Их была добрая дюжина. Все это значило, что в домашнем кабинете судебного пристава Щелкунова был произведен обыск, или обначка, выражаясь на языке уркачей.

Вряд ли такой сумбур навел хозяин квартиры. Судя по тому, что увидели в гостиной, Щелкунов прекрасно знает, что и где у него лежит, а вот незваные гости, что шмонали его квартиру, этого отнюдь не ведали. К тому же они очень не хотели, чтобы со стороны улицы был замечен свет, поэтому жгли спички, но не

запалили керосиновую лампу, стоящую неподалеку.

В одном из ящичков бюро были обнаружены несколько фотографических карточек (к сожалению, ни на одной из них не был запечатлен сам Владислав Щелкунов) и личные документы Владислава Сергеевича. Находка лишний раз доказывала, что никуда судебный пристав не уезжал и что с ним стряслось «нечто иное», — судя по всему, весьма похожее на преступление. А вот что тут рыскали злоумышленники в квартире Щелкунова и нашли ли они это — оставалось неразрешенным...

При выходе из квартиры Иван Федорович тщательнейшим образом осмотрел замок входной двери. Вырисовывалась странная картина: мало того что замок не был взломан, на нем отсутствовали даже малейшие царапины. Судебный следователь по особо важным делам был уверен, что если разобрать замок, то и внутри его не будет найдено никаких повреждений. Это означает лишь одно: замок открывался родным ключом.